

СКАЗОЧНЫМ, овеянным легендами представляется Восток. Загадочно-мистические мелодии, растворяющиеся в терпких запахах диковинных растений, уникальные храмы и пагоды, величественные, обладающие какой-то магической силой золотые будды... Таким виделся и Вьетнам перед поездкой нашей небольшой делегации Союза театральных деятелей.

Какие образные названия давали в прошлом вьетнамцы городам, событиям, людям! Так, древний Ханой был назван «Городом Взлетающего Дракона». А изумительной красоты с тремя тысячами островов-скал, поднимающихся над изумрудной гладью моря, со скользящими по нему рыбацкими парусными лодками залив Халонг обозначили как «Место, где сел Дракон». В центре столицы расположено озеро «Возвращенного меча» (так называется оно и сегодня). Связанная с ним легенда гласит о том, как рыбак Ле-Лой нашел священный меч, который помог ему одержать победу над чужеземцами, нападшими на страну, и о том, как после победы в одной из лодочных прогулок по озеру он замахнулся мечом на вынырнувшую черепаху, а она, выхватив меч, скрылась под водой. Божественные силы дали меч, чтобы победить захватчиков, и они же отобрали его: страна освобождена, и оружие ей уже не нужно.

Постепенно развевались легенды и открывалась жизнь сегодняшняя. А в ней — масса проблем, решаемых и еще не решенных. Во Вьетнаме ведь тоже перестройка — и в политике, и в экономике, и в культуре.

Первое, с чем пришлось столкнуться, едва переступив порог театрального зала, и что немало удивило, — это поведение публики. То здесь, то там вспыхивал огонек сигареты, и табачный дым распространялся по залу. Кто-то что-то жевал, бросая на пол огрызки и бумагу. Во время действия зрители громко переговаривались, комментируя происходящее на сцене. Перед началом спектакля дирижер по трансляции объяснял правила поведения в театре. Увы, этого недостаточно, и работа по воспитанию людей, приходящих в театр, предстоит еще большая и кропотливая.

Но тут надо сказать и о самих театральных залах. Нам пришлось смотреть один спектакль в помещении кинотеатра: требующие ремонта стены, старые, скрипящие кресла, если их можно назвать креслами... Да, театральных зданий не хватает, некоторые нуждаются в ремонте, а средств мало. Но все же, все же... Игра в подобных условиях ослабляет воздействие искусства. Да и сами актеры подчас идут на поводу невзыскательного зрителя, стремятся веселить его, пуская в ход штампованные приемы выжимания смеха. Так, к сожалению, зрительская проблема переплетается с проблемой актерского мастерства. Падение его — в повестке дня Союза театральных деятелей, который в конце прошлого года провел свой III съезд. На нем, по словам наших вьетнамских коллег, было шумно. Рассказывая о его работе, заместитель генерального секретаря союза, главный редактор журнала «Театр» Саун Чин отметил, что съезд прошел демократично, так сказать, в духе времени.

— Если выделить главное, что обсуждалось на этом театральном форуме, — продолжал Саун Чин, — то мы трезво оценили обстановку, сложившуюся в нашем театральном деле, стремясь вместе с министерством культуры найти пути и средства к изменению сложного положения искусства театра.

Что же тревожит? Кроме упадка актерского

мастерства, это еще и скудость материально-технической базы, а также падение интереса зрителя, особенно молодого, к традиционному искусству...

Вроде бы свои, вьетнамские проблемы. Но почти этими же вопросами озабочены и наши мастера сцены, театральная общественность, да и не только наша.

Не забывать прошлого, сохранять и развивать традиции, «корни театра», изучать их — это вопрос широкого плана. Недаром возникла в последнее время огромная тяга к народному искусству. Появились многочисленные фольклорные, этнографические ансамбли. Взгляды людей, на каком бы континенте они ни жили, устремляются к своим национальным корням.

СКВОЗЬ ДЫМКУ ЛЕГЕНД

Во Вьетнаме издревле существует традиционное национальное искусство. Это «тео» (народная опера), «туонг» (классическая опера). Есть и реформированный театр — «кайлонг», театр кукол на воде (единственный в мире).

При театре «тео», в основе которого — сюжеты из жизни простого человека, крестьянина, где много условных приемов, свойственных только данному виду искусства, организована студия.

В одном из микрорайонов Ханоя расположен театральный институт. С утра мы едем туда, чтобы посмотреть спектакль студийцев. Зал небольшого каменного здания (наподобие нашего учебного театра) мгновенно заполнился ребятишками, сбегавшими со всей округи. Кто уселся на принесенные стулья, а кто стоя примостился у сцены.

Спектакль, показанный студентами, основан на древнем сюжете о супружеской верности, которая подвергается всевозможным испытаниям. Несмотря ни на что, любовь и верность побеждают. Оркестр национальных инструментов сопровождал рецитативные диалоги и монологи действующих лиц. Наш любезный и гостеприимный «гид», заместитель заведующего иностранным отделом Союза театральных деятелей Данг Чан Кан пояснял все тонкости специфики этого вида искусства. В этот же день он пригласил нас для сравнения в профессиональный театр «тео» на спектакль «Праздничная ночь в Лонг Чи».

Здесь действие происходит уже во дворце: король запутан интригами своей второй жены (кстати, только первая жена могла называться королевой), скрывающей от него недовольство народа и стремящейся выдать дочь короля от первого брака за своего брата, коварного и жестокого. И слабый король соглашается на этот брак, хотя дочь любит другого... Что же бросилось в глаза при сопоставлении этих двух представлений — утреннего и вечер-

него? В профессиональном театре нет живого музыкального сопровождения (музыка звучит через динамики), что лишает сцену пространства и «воздуха». Многочисленные висячие микрофоны — это какой-то бич вьетнамской сцены. К ним устремлены все помыслы актеров, они, кажется, больше всего озабочены тем, как бы успеть к этим спасительным микрофонам, чтобы исполнить ту или иную партию. Да и сюжет из дворцовой жизни вроде бы противоречит самой основе традиционного театра — показа жизни простых людей.

Но это, конечно, взгляд со стороны. Вероятно, есть и что-то другое, что волнует наших вьетнамских коллег, когда они сетуют на падение зрительского интереса к этому жанру.

Думая о сохранности своих корней, традиций, театральные деятели отлично понимают, что без современной драматургии, отражающей день сегодняшний, его проблемы, перестройку в сознании людей, не обойтись. Поэтому и вопросы драматургии деятели союза считают тоже одним из важнейших.

Многого не пришлось увидеть и узнать, но об одном драматурге и его произведениях хочется сказать несколько слов. Так случилось, что именно его пьесы шли на сценах театров в дни нашего пребывания в Ханое. Это Лыу Куанг Ву — молодой писатель, трагически погибший прошлым летом в авткатастрофе.

Как нам рассказали, это был перспективный и достаточно плодовитый автор, создавший около пятидесяти произведений. Драматург острого глаза, писатель доброго сердца и вместе с тем настоящий борец, восстающий против коррупции.

Драматическая труппа из города Хайфона показала в Ханое его пьесу «Чистое сердце, или 2000 дней дитя судебного дела» — о неправедном, незаконном поведении работников милиции и суда, обвинивших в убийстве честного молодого человека. Пока любимая девушка ходит по инстанциям, доказывая его невиновность, проходит 2000 дней, то есть 5 лет. В результате правда торжествует, герой на свободе. Но что стоили ему эти годы, фактически вычеркнутые из жизни?

В другой пьесе — «Иметь право на счастье», поставленной ханойской драматической труппой, тоже идет речь о безвинно пострадавшем директоре завода. Выйдя спустя некоторое время из тюрьмы, герой увидел, что ничего не изменилось — все несправедливые люди сидят на своих местах, и бороться с ними нет сил. Он возвращается к тюремным воротам и просит, чтобы его вновь посадили, чем вызывает переполох среди судебных руководителей. Один из них, увещевая его, говорит, что борьба только началась и его место сегодня — на посту директора.

Вот такие тсны и проблемы поднимает Лыу Куанг Ву в своих произведениях.

В беседах о театре и связанных с ним проблемах чувствовалось, как озабочены и горячо берутся за улучшение театрального хозяйства его руководители. Мы покидали Ханой, гостеприимных вьетнамских коллег с уверенностью, что у них все получится.

...Постепенно сознание вновь уходило в легенды, в величие и красоту древних памятников архитектуры, которые уже как реальность надолго останутся в памяти, так же, как прекрасные, открытые люди Вьетнама, желающие сделать свою жизнь лучше, чище, богаче...

Н. МОИСЕЕНКО.
(Наш спец. корр.).

ХАНОЙ.